

Трагик поневоле

Иван Иванович Толкачов, отец семейства.

Алексей Алексеевич Мурашкин, его друг.

Мурашкин. Здравствуй, Иван Иванович! Как я рад! Откуда ты?

Толкачов (тяжело дыша). Голубчик, милый мой... У меня к тебе просьба...

Умоляю... одолжи до завтрашнего дня револьвера. Будь другом!

Мурашкин. На что тебе револьвер?

Толкачов. Нужно... Ох, батюшки!.. Дай-ка воды... Скорей воды!.. Нужно...

Ночью придется ехать темным лесом, так вот я... на всякий случай. Одолжи, сделай милость!

Мурашкин. Ой, врешь, Иван Иванович! Какой там у лешего темный лес?

Вероятно, задумал что-нибудь? По лицу вижу, что задумал недоброе! Да что с тобою? Тебе дурно?

Толкачов. Постой, дай отдышаться... Ох, матушки. Замучился, как собака. Во всем теле и в башке такое ощущение, как будто из меня шашлык сделали. Не могу больше терпеть. Будь другом, ничего не спрашивай, не вдавайся в подробности... дай револьвер! Умоляю!

Мурашкин. Ну, полно! Иван Иванович, что за малодушие? Отец семейства, статский советник! Стыдись!

Толкачов. Какой я отец семейства? Я мученик! Я вьючная скотина, негр, раб, подлец, который все еще чего-то ждет и не отправляет себя на тот свет! Я тряпка, болван, идиот! Зачем я живу? Для чего? (Вскакивает.) Ну, ты скажи мне, для чего я живу? К чему этот непрерывный ряд нравственных и физических страданий? Я понимаю быть мучеником идеи, да! но быть мучеником черт знает чего, дамских юбок да ламповых шаров, нет! слуга покорный! Нет, нет, нет! Довольно с меня! Довольно!

Мурашкин. Ты не кричи, соседям слышно!

Толкачов. Пусть и соседи слышат, для меня все равно! Не дашь ты револьвера, так другой даст, а уж мне не быть в живых! Решено!

Мурашкин. Постой, ты мне пуговицу оторвал. Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чем же плоха твоя жизнь?

Толкачов. Чем? Ты спрашиваешь: чем? Изволь, я расскажу тебе! Изволь! Выскажусь перед тобою и, может быть, на душе у меня полегчает. Сядем. Ну, слушай... Ох, матушки, одышка!.. Возьмем для примера хоть сегодняшний день. Возьмем. Как ты знаешь, от десяти часов до четырех приходится трубить в канцелярии. Жарища, духота, мухи и несосветимейший, братец ты мой, хаос. Секретарь отпуск взял, Храпов жениться поехал, канцелярская мелюзга

помешалась на дачах, амурах да любительских спектаклях. Все заспанные, уморенные, испытые, так что не добьешься никакого толка... Должность секретаря исправляет субъект, глухой на левое ухо и влюбленный; просители обалделые, всё куда-то спешат и торопятся, сердятся, грозят, такой кавардак со стихиями, что хоть караул кричи. Путаница и дым коромыслом. А работа аспидская: одно и то же, одно и то же, справка, отношение, справка, отношение, однообразно, как зыбь морская. Просто, понимаешь ли, глаза вон из-под лба лезут. Дай-ка воды... Выходишь из присутствия разбитый, измочаленный, тут бы обедать идти и спать завалиться, ан нет! помни, что ты дачник, то есть раб, дрянь, мочалка, сосулька, и изволь, как курицын сын, сейчас же бежать исполнять поручения. На наших дачах установился милый обычай: если дачник едет в город, то, не говоря уж о его супруге, всякая дачная мразь имеет власть и право навязать ему тьму поручений. Супруга требует, чтобы я заехал к модистке и выбранил ее за то, что лиф вышел широк, а в плечах узко; Соничке нужно переменить башмаки, свояченице пунцового шелку по образчику на двадцать копеек и три аршина тесьмы... Да вот, постой, я тебе сейчас прочту. (Вынимает из кармана записочку и читает.) Шар для лампы; 1 фунт ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на 5 коп.; касторового масла для Миши; 10 фунтов сахарного песку; взять из дому медный таз и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидского порошку, пудры на 10 коп.; 20 бутылок пива; уксусной эссенции и корсет для m-lle Шансо 82... уф! и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши. Это приказ супруги и семейства. Теперь поручения милых знакомых и соседей, черт бы их взял. У Власиных завтра именинник Володя, ему нужно велосипед купить; подполковница Вихрина в интересном положении, и по этому случаю я обязан ежедневно заезжать к акушерке и приглашать ее приехать. И так далее, и так далее. Пять записок у меня в кармане и весь платок в узелках. Этак, батенька, в промежутке между службой и поездом бегаешь по городу, как собака, высунув язык, бегаешь, бегаешь и жизнь проклянешь. Из магазина в аптеку, из аптеки к модистке, от модистки в колбасную, а там опять в аптеку. Тут спотыкнешься, там деньги потеряешь, в третьем месте заплатишь забудешь и за тобою гонятся со скандалом, в четвертом месте даме на шлейф наступишь... тьфу! От такого моциона осатанеешь и так тебя разломает, что потом всю ночь кости трещат и крокодилы снятся. Ну-с, поручения исполнены, все куплено, теперь как прикажешь упаковать всю эту музыку? Как ты, например, уложишь вместе тяжелую медную ступку и толкач с ламповым шаром или карболку с чаем? Как ты скомбинируешь воедино пивные бутылки и этот велосипед? Египетская работа, задача для ума, ребус! Как там ни ломай голову, как ни хитри, а в конце концов все-таки что-нибудь расколотишь и рассыплешь, а на вокзале и в вагоне будешь стоять,

растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородком какой-нибудь узел, весь в кульках, в картонках и в прочей дряни. А тронется поезд, публика начнет швырять во все стороны твой багаж: своими вещами ты чужие места занял. Кричат, зовут кондуктора, грозят высадить, а я-то что поделаю? Стою и глазами только лупаю, как побитый осел. Теперь слушай дальше. Приезжаю я к себе на дачу. Тут бы выпить хорошенько от трудов праведных, поесть да храповицкого не правда ли? но не тут-то было. Моя супружница уж давно стережет. Едва ты похлебал супу, как она цап-царап раба божьего и не угодно ли вам пожаловать куда-нибудь на любительский спектакль или танцевальный круг? Протестовать не моги. Ты муж, а слово муж в переводе на дачный язык значит бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных. Идешь и таращишь глаза на Скандал в благородном семействе или на какую-нибудь Мотю, аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги кавалеров, а если недостает кавалера, то и сам изволь танцевать кадрили. Танцуешь с какой-нибудь Кривулей Ивановной, улыбаешься по-дурацки, а сам думаешь: доколе, о господи? Вернешься после полуночи из театра или с бала, а уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось. Но вот наконец ты достиг цели: разоблачился и лег в постель. Отлично, закрывай глаза и спи... Все так хорошо, поэтично: и тепло, понимаешь ли, и ребята за стеной не визжат, и супруги нет, и совесть чиста лучше и не надо. Засыпаешь ты и вдруг... и вдруг слышишь: дзз!.. Комары! (Вскакивает.) Комары, будь они трижды, анафемы, прокляты, комары! (Потрясает кулаками.) Комары! Это казнь египетская, инквизиция! Дзз!.. Дзюзюкает этак жалобно, печально, точно прощения просит, но так тебя, подлец, укусит, что потом целый час чешешься. Ты и куришь, и бьешь их, и с головой укрываешься нет спасения! В конце концов плюнешь и отдашь себя на растерзание: жрите, проклятые! Не успеешь привыкнуть к комарам, как новая казнь египетская: в зале супруга начинает со своими тенорами романсы разучивать. Днем спят, а по ночам к любительским концертам готовятся. О, боже мой! Тенора это такое мучение, что никакие комары не сравнятся. (Поет.) Не говори, что молодость сгубила... Я вновь пред тобою стою очарован... О, по-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтоб их хоть немножко заглушить, я на такой фокус пускаюсь: стучу себе пальцем по виску около уха. Этак стучу часов до четырех, пока не разойдутся. Ох, дай-ка, брат, еще воды... Не могу... Ну-с, этак, не поспавши, встанешь в шесть часов и марш на станцию к поезду. Бежишь, боишься опоздать, а тут грязь, туман, холод, бррр! А приедешь в город, заводи шарманку сначала. Так-то, брат. Жизнь, доложу я тебе, преподлая, и врагу такой жизни не

пожелаю. Понимаешь заболел! Одышка, изжога, вечно чего-то боюсь, желудок не варит, в глазах мутно... Веришь ли, психопатом стал... (Оглядывается.) Только это между нами... Хочу сходить к Чечотту или к Мержеевскому. Находит на меня, братец, какая-то чертовщина. Этак в минуты досады и обалдения, когда комары кусают или тенора поют, вдруг в глазах помутится, вдруг вскочишь, бегаешь, как угорелый, по всему дому и кричишь: Крови жажду! Крови! И в самом деле, в это время хочется кого-нибудь ножом пырнуть или по голове стулом трахнуть. Вот оно, до чего дачная жизнь доводит! И никто не жалеет, не сочувствует, а как будто это так и надо. Даже смеются. Но ведь пойми, я животное, я жить хочу! Тут не водевиль, а трагедия! Послушай, если не даешь револьвера, то хоть посочувствуй!

Мурашкин. Я сочувствую.

Толкачов. Вижу, как вы сочувствуете... Прощай. Поеду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потом на вокзал.

Мурашкин. Ты где на даче живешь?

Толкачов. На Дохлой речке.

Мурашкин (радостно). Неужели? Послушай, ты не знаешь ли там дачницу Ольгу Павловну Финберг?

Толкачов. Знаю. Знаком даже.

Мурашкин. Да что ты? Ведь вот какой случай! Как это кстати, как это мило с твоей стороны...

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Голубчик, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другом! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Не в службу, а в дружбу! Умоляю, голубчик. Во-первых, поклонись Ольге Павловне и скажи, что я жив и здоров, целую ей ручку. Во-вторых, свези ей одну вещичку. Она поручила мне купить для нее ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вот эту клетку с канарейкой... только осторожней, а то дверца сломается... Что ты на меня так глядишь?

Толкачов. Швейная машинка... канарейка с клеткой... чижики, зяблики...

Мурашкин. Иван Иванович, да что с тобой? Отчего ты побагровел?

Толкачов (топая ногами). Давай сюда машинку! Где клетка? Садись сам верхом! Ешь человека! Терзай! Добивай его! (Сжимая кулаки.) Крови жажду! Крови! Крови!

Мурашкин. Ты с ума сошел!

Толкачов (наступая на него). Крови жажду! Крови!

Мурашкин (в ужасе). Он с ума сошел! (Кричит.) Петрушка! Марья! Где вы? Люди, спасите!

Толкачов (гоняясь за ним по комнате). Крови жажду! Крови!
Занавес